

DOI: 10.24411/2470-1262-2020-10072

УДК (UDC) 82-3

**Kuralay Urazayeva,
L.N. Gumilyov Eurasian National University,
Nur-Sultan (Astana), Kazakhstan
Gulnar Shomanova,
Pavlodar State Pedagogical University
Pavlodar, Kazakhstan
Karlygash Abylkhassova,
L.N. Gumilyov Eurasian National University,
Nur-Sultan (Astana), Kazakhstan**

***For citation: Urazayeva Kuralay B., Shomanova Gulnar K.,
Abylkhassova Karlygash S., (2020).
Concept of event in stories by A.P. Chekhov and how reader «escribe» the text.
Cross-Cultural Studies: Education and Science
Vol. 5, Issue 2 (2020), pp. 21-31 (in USA)***

***Manuscript received: /06/05/2020
Accepted for publication: /15/06/ 2020***

***The authors have read and approved the final manuscript.
CC BY 4.0***

**CONCEPT OF EVENT IN STORIES BY A.P. CHEKHOV AND HOW READER
«ESCRIBE» THE TEXT**

**КОНЦЕПЦИЯ СОБЫТИЯ В РАССКАЗАХ А.П. ЧЕХОВА И
«ДОПИСЫВАНИЕ» ТЕКСТА ЧИТАТЕЛЕМ**

Abstract:

The possibility of ambiguous of Chekhov's story, considered on the basis of the children's material, reveals an interesting possibility of studying the dual eventfulness – the interpretation of events of the story and plot sense. The subject of the analysis is the author's communicative intentions and the reader's receptive expectations. This approach allowed us to describe the mechanism of "escribe" the text by the reader. Study of the objective text and subjective text of the reader allowed to explain the role and impact of events on the appearance of two texts. The author studies the correlation of views – adult and child-as a source of dramatic and comic,

narrative functions, and the duality of the reader's view of the events described. The true content of the event from an ethical point of view is revealed – as children's search for harmony and coincidence with the world around them.

The author's guiding volition on the reader, forming markers of implicitness, is proved. It shows how the plot and semantic integrity of the text is ensured. The dominance of children's perception is explained by the unity of the author's communicative strategy, which is protecting child from the adult world. Factors of genre transformation of Chekhov's story are revealed. Clarification of the concept of a dual eventfulness is associated with the duality of the interpretation of the event- in the story and plot sense. The mechanism of "escribe" the text by the reader explains the communicative and argumentative integrity of Chekhov's story.

Keywords: Chekhov, children's stories, dual eventfulness, event, objective text of the author, subjective text of the reader, communication strategies, receptive expectation, "escribe" the text

Введение

Рассказы А.П. Чехова обладают свойством множественного прочтения, обуславливающим активизацию читателя. Художественное произведение как система соотношения *автор – текст – читатель* содержит уже внутри текста условие двойного толкования. Напряжение между сюжетом и фабулой характеризуется возможностью разной трактовки концепции события, или открытого учеными понятия двоякой событийности. Интересный объект для анализа двоякой событийности представляют детские рассказы Чехова. Выбор в качестве объекта изучения трех рассказов – «Кухарка женится» (1885), «Детвора» (1886), «Спать хочется» (1888) – обусловлен тремя коммуникативными стратегиями, объединенными такой особенностью: при явном драматизме событий, конфликте сознаний сохраняется ощущение детских рассказов, когда мышление и психология ребенка, интуитивное восприятие мира, при усвоении социальных лекал мира взрослого, снимает вопросы жестокости, трансформируя их в русло повествования с «наивной» точкой зрения. Писатель ставит героев в ситуации поиска решения задачи, сложной своим «взрослым» противоречивым содержанием. Облегчение, которое герой-ребенок испытывает, находя правильное для него решение, приводит к установлению гармонии в его душе и репрезентирует равновесие, которого лишен окружающий мир. Между тем состояние душевного баланса необходимо ребенку для его совпадения с миром взрослых, поэтому концепт счастья – которого герой как правило достигает в финале рассказа – и определяет жанровый приоритет произведения как детской прозы.

Теория

Понятие двоякой событийности, открытое В.И. Тюпой [1] и содержащее предпосылки в трудах А. Чудакова [2], создает возможность двоякого прочтения одного и того же текста, интенсифицируя в одном случае коммуникативные интенции автора, в другом – рецептивные ожидания читателя. Обнаруженный иностранными учеными в чеховской драме феномен *inbetweenness* [3] представляется универсальным для его поэтики, являя в качестве основной особенности понятие двоякой событийности.

Выявленное М. Бахтиным соотношение референтного события (то, о чем рассказывается) и события самого рассказывания (дискурсии) – проливает свет на феномен «дописывания» текста читателем как явление двух текстов – объективного текста автора и субъективного текста читателя. Причиной, провоцирующей текст на две стратегии прочтения, является напряжение между фабулой и сюжетом, выявляющее для исследователя необходимость сформулировать концепцию события как источник двух текстов.

Апелляция к известной формуле П. Рикера, называвшего событием вариант возможного: «то, что могло произойти по-другому» – позволяет сформулировать концепцию события как возможного, но неслучившегося. В поддержку заявленного в настоящей статье подхода приведем мысль Рикера о формировании в произведениях Чехова «высшего синтаксического единства», определяемого позицией абстрактного автора [4, с. 174]. Определение автора как абстрактного «повествователя» содержит предпосылку к учету другого автора, конкретизация которого осуществляется посредством активной роли читателя. Обоснованное Рикером понятие «повествовательной идентичности» сопоставимо с рассматриваемыми в статье двумя текстами, основанными на идентификации повествователя с разными (персональными, по А.П. Чудакову) точками зрения.

Интересную основу для разработки концепции события содержат идеи генеративной поэтики. Так, различение А.К. Жолковским и Ю.К. Щегловым применительно к новелле парадигматического («каким образом из тематических и жанровых функций возникает инвентарь образов, предметов, персонажей, мест, по каким признакам подбираются особенности действия, элементы атмосферы») и синтагматического, линейного, фабульно-сюжетного этапов события («демонстрация того, как строится действие внутри новеллы в целом и каждой из ее частей» [5, с. 99] – подтверждает причину разных толкований одной и той же истории как феномена объективного текста повествователя и субъективного – читателя.

Формированием традиций в трактовке концепции события отмечена современная нарратология. Темпоральность, конститутивный аспект повествования, в отличие от таких форм дискурса, как описание или аргументация [6], привел В. Шмидта к установлению редуцированного вида событийности у писателя [7, с. 263-277].

Опыт исследования структуры двойкой событийности, рассмотренной в аспекте дихотомии *событие / не-событие*, когда неслучившееся, но возможное событие делает *не-событием* фабульную основу, представляет статья одного из авторов настоящей работы, написанной в соавторстве [8, с. 72-79]. Предпринятый авторами упомянутой статьи показал «встречу» в пространстве восприятия *события / не-события* как поле столкновения нарративной и дискурсивной компетенций героев, их коммуникативных стратегий.

Данные и методы

Актуальность статьи обусловлена изучением двойкой событийности рассказа Чехова как источника двух текстов – объективного текста повествователя и субъективного текста читателя. Цель статьи заключается в реконструкции механизма «дописывания» текста

читателем. Задачи: 1) показать, как происходит корреляция двух конфликтующих взглядов – взрослого и детского – являющая сочетание драматического и комического, объективного и субъективного, 2) выявить разницу трактовки события с позиции сюжета и фабулы, 3) выявить, как делегируется читателю право выбора одной из повествовательных функций; 4) осуществить анализ двойственности читательского взгляда на описываемые события.

Определение Рикером «повествовательной идентичности» как «формы идентичности, к которой человек способен прийти посредством повествовательной деятельности» [9] и выделением им идентичности персонажа позволяет иллюстрировать на примере детских рассказов Чехова субъективные и объективные преобразования уже на этапе завязки, формирования интриги. Конфликт взрослого взгляда автора-повествователя, ребенка-повествователя, вытесняющегося доминированием его персональной точки зрения на события взрослого рассказчика, выводит в роли третьей стороны читателя. Читатель гармонизирует/синхронизирует две истории в сознании. Анализ этого механизма, когда читатель становится соавтором повествователя, дописывает свой текст – интересен тем, кого из конфликтующих повествователей он «поддержит», иначе: с кем из повествователей он идентифицирует себя, какова будет степень самостоятельности его повествовательной роли? И как объективный текст повествователя будет управлять читателем, делая его субъективный текст относительным, мнимым, кажущимся?

Мысль Ц. Тодорова, определявшего тему произведения как *Взгляда* [10] становится критерием различения трех рассказов как реконструкции взгляда героя-ребенка на мир взрослых («Кухарка женится»), взрослого на мир детей («Детвора»), взрослого на жестокость взрослых по отношению к ребенку.

«Кухарка женится». Жанровая доминанта рассказа заложена в заглавии рассказа, делегирующем опознаваемость детской – персонализированной – точки зрения. Жанровая доминирующая стратегия поддерживается повествовательной ролью мальчика Гриши. Предосудительное для взрослого с этической точки зрения поведение – *«подслушивал и заглядывал в замочную скважину»* – по отношению к маленькому, семилетнему «карапузику» принимает противоположную коннотацию, переводя повествование в пародийный травестийный дискурс. Способ создания интриги: «происходило необыкновенное, доселе невиданное» – содержит иллюзию детского восприятия происходящего. Между тем активное вмешательство взрослого повествователя, детализирующего интуитивное понимание ребенком неожиданного: это и сияющее торжество лицо няньки, и оттенки «иллюминации» на лице кухарки, языковая игра взрослых и соперничество в ехидстве вплоть до нелицеприятных, сниженных, но вполне обыденных для народа оценок (*старая ведьма*), воспроизведение речевых портретов героев, будничные житейские разговоры взрослых – все это является линиями корректировки автором восприятия истории читателем. Перлокутивное воздействие автора на читателя создается как вербальными средствами, так и невербальными (описанием жестов, произнесенного текста, но понятного участникам коммуникации смысла). Реплика извозчика: «можем даже другого кого осчастливить... (извозчик покосился на Пелагею) ... ежели им по сердцу» [11, с. 136] – становится источником фабулы и завязки параллельной

истории. Одна фабула – замужество Пелагеи и ее сватовство – сюжет брака во взрослой истории. Эта же фабула в детском восприятии Гриши: «...жениться на этом страшном извозчике с красным носом, в валенках... фи! И почему это няньке хочется, чтоб бедная Пелагея женилась?» [11, с. 136] – возвращает читателя к названию рассказа, опорным понятием которого является слово «жениться».

Принцип зеркальной симметрии вокруг слова «жениться» фокусирует две истории: детской версии – «Должно быть, совестно жениться... Ужасно совестно!» – и взрослой: «Пусть сами женятся, как хотят». Сон Гриши: похищение Пелагеи Черномором и ведьмой – реконструирующий мифологический сюжет умыкания невесты, пародийно утрирует кумулятивный фольклорный сюжет. Воплощая детскую историю восприятия как историю мистическую и загадочную, автор-повествователь прибегает к приемам формульной поэтики фольклора: «Заглянув в одно воскресное утро в кухню, Гриша замер от удивления». Необычность момента подчеркнута торжественной ролью мальчика Фильки. Осмысление истории Гришей в концептах сюжета похищения, продолжающего линию сна: «Бедная, бедная! – думал Гриша, прислушиваясь к рыданиям кухарки. – Куда ее повели? Отчего папа и мама не заступятся?» [11, с. 139] – стилистически противопоставляет тривиальности житейской истории в изложении параллельной линии взрослым повествователем.

Неразрешимость для повествователя-ребенка «задачи»: «...жила Пелагея на воле, как хотела, не отдавая никому отчета, и вдруг, ни с того ни с сего явился какой-то чужой, который откуда-то получил право на ее поведение и собственность!» – вводит в тезаурус маленького героя взрослые понятия: «собственность» и «жертва человеческого насилия».

Здесь финал рассказа являет корректировку взрослым повествователем детского прозрения и сочувствия, способности к состраданию и жалости. При этом наблюдательный взгляд автора фиксирует внимание читателя на взрослом поведении героя: «прокрался на кухню» и «опрометью бросился назад». Скрывая обуревающие его чувства, герой проявляет понимание и владение выработанными социумом представлениями.

Параллелизм двух повествовательных историй, двух типов повествовательной идентичности и повествовательных ролей направлен на целостное соединение их в тексте читателя. Активно формируемое с заглавия, завязки и на протяжении всего текста история шуточного отражения взрослых событий в сознании ребенка в итоге разрешается взрослыми инвективами, оценочно выраженными: «собственность» и «жертва человеческого насилия». Так, логическая, сюжетная и эмоциональная целостность текста формирует феномен дописывания текста читателем. Синтез двух текстов – объективного и субъективного – исчерпывается сюжетом брака подневольных людей, ощущающих себя в роли «детей» господ. Отсюда мнимо суровый, наставительный тон извозчика, поручающего жену барыне, выводит из круговорота событийного ряда типичность положения кухарки как социального статуса. И персонализация точки зрения Гриши обнаруживает сильно выраженный социально обусловленный характер.

Таким образом, событием является не факт сватовства и замужества Пелагеи, сколько

конфликт в сознании ребенка, выраженный с детской непосредственностью: «Зачем жениться?», «... жениться на этом страшном извозчике с красным носом, в валенках... фи! И почему это няньке хочется, чтоб бедная Пелагея женилась?». Драматизм взрослой жизни, остро прочувствованный «карапузиком», выявляет неожиданную интуитивную зрелость мальчика, обостренное чувство справедливости, пародийно облеченную в точность формулировок автором.

«Детвора». Маркерами детского рассказа становятся индикаторы повествования: «Они уехали на крестины к *тому старому офицеру, который ездит на маленькой серой лошади*», «... разве можно уснуть, не узнав от мамы, какой на крестинах был ребеночек и *что подавали за ужином?*». Вторжение взрослого повествовательного модуса: «*что подавали за ужином?*» – вплетено в круг интересов и ожидания детей. Такой же интерполяцией взрослого мира является условие игры: «если кто смошенничает, того немедленно вон». Такой категоризм направляет восприятие читателя по линии моделирования детьми законов взрослого мир. Это и азарт, с которым играют дети, это и зависть, и финансовые соображения Гриши, его жадность. Взрослые черты проявляет и Аня: «тоже боится, чтобы кто-нибудь не выиграл» и «Счастье в игре для нее вопрос самолюбия» [12, с. 31]. Истокает умиление Соня, оно объясняется автором так: «ради процесса игры». Не оставляет иллюзий у читателя Алеша, «пухлый, шаровидный карапузик». С одной стороны, «ни корыстолюбия, ни самолюбия. Не гонят из-за стола, не укладывают спать – и на том спасибо», однако далее следует разоблачение: «По виду он флегма, во в душе порядочная бестия. Сел он не столько для лото, сколько ради недоразумений, которые неизбежны при игре. Ужасно ему приятно, если кто ударит или обругает кого» [12, с. 316]. Иронии автора удостоен и кухаркин сын Андрей, за обманчивой созерцательностью которого кроется на самом деле мнимое глубокомыслие: «сколько на этом свете разных цифр, и как это они не перепутаются!». Изобретательность детей в части придумывания остроумных названий также пародирует мир взрослых. Неслучайно в названиях приемов игры фигурируют взрослые из мира героев.

Вплетая сплетни в разговор, автор продолжает линию идентификации детей со взрослыми. Завершение рассказа примирением детей: «Возле них валяются копейки, потерявшие свою силу впредь до новой игры. Спокойной ночи!» – примиряет случившиеся конфликты, недоразумения и не оставляет вместе с тем иллюзий о кажущейся, мнимой безобидности детей. Усвоившие модель взрослых отношений, дети осознанно и неосознанно жестоки, однако и способны забыть быстро обиды и недоразумения, обман и хитрость.

Направляя восприятие читателя по линии аналогии в поведении, мышлении, способах выяснения отношений у детей и взрослых, автор соединяет два повествовательных модуса в единый – собирательное «Детвора» являет модель взрослого мира, с его мирообразом, суетой и тщетой.

«Спать хочется». Наибольший контраст коммуникативной стратегии автора и рецептивного ожидания читателя представляет данный рассказ. Социальный аспект фавулы воссоздает образ ребенка-сироты как жертвы насилия взрослых. Однако отсутствие жертвенности, как и отказ от мысли трактовать жестокость Варьки как зеркальное отражение

жестокости взрослых решает жанровую стратегию Чехова в пользу детского рассказа, с обретенной ребенком гармонией и наступлением «счастливого» финала. Привлеченные писателем архетипические мотивы сироты, мифологического разрешения сна как ключевого в рассказе концепта, соединяющего сакральные мотивы смерти и гармонии не как взаимоисключающие начала, а в их синкретическом единстве, последовательно конструируют текст с сюжетом счастья в детском понимании. Мифологизация сюжета создает почву для интерпретации истории, с четким разделением фабулы и сюжета и преодолением первой историей о победе героя-ребенка над другим ребенком – врагом.

На фабульном уровне Варька задушила ребенка, мешающего ей спать. Однако ребенок не просто главный враг Варьки, он враг и главный, поскольку является продолжением мира хозяев с побоями, угрозами, пытками сном. На сюжетном уровне это история о возвращении Варьки к покинувшему мир родителям, вхождения ее в мир повторяющегося сна, где сон, крепкий и непрерывный, равновелик счастью. Варька «счастливо смеется», она крепко засыпает, обретая гармонию. А покой стал возможным, когда она поняла и устранила главную причину мешавшего ей спать. Отсюда вытеснение образа ребенка, символизирующего дисбаланс мира, очерчивающего границу двух миров – жизни и смерти, мифологическими образами мистических людей. Открывающих секрет счастья и образами покойных родителей, обретших покой в потустороннем мире.

Звуковая, визуальная, обонятельная символика рассказа сливаются, создавая ритм убаюкивающего сна. Повествовательный ритм рассказа имитирует колыбельную, которую мурлычет героиня. «В печке кричит сверчок. В соседней комнате, за дверью, похрапывают хозяин и подмастерье Афанасий», «Колыбель жалобно скрипит» [13, с. 7] – символы ночной убаюкивающей Варьку музыки. Эта музыка становится своего рода рифмой к рефрену колыбельной, которую Варя поет ребенку.

Сюжет сна как гармонии, постепенно формирующейся в подсознании героя-ребенка, дополняется видениями, когда в свете зеленой лампы протянутые на веревке пеленки и большие черные панталоны сливаются для девочки в большое зеленое пятно и длинные тени на печке, погружают ребенка в сон, в котором границы с явью расплывчаты и нарушают реалистичность восприятия мира. Пространство душной избы (*пахнет щами и сапожным товаром*) сводится к колыбели, скрип которой нарушает мерный ход. Контраст: музыка, которую «так сладко слушать, когда ложишься в постель» и настоящее: «Теперь же эта музыка только раздражает и гнетет, потому что она вгоняет в дремоту, а спать нельзя; если Варька, не дай бог, уснет, то хозяева прибьют ее» [13, с. 7] – выстраивает подтекст рассказа, в котором образы лампы в экспозиции рассказа, и вестники смерти: муки покойного отца, визит врача, хлопоты Пелагеи, параллельный сюжет: люди с котомками на спинах, какие-то тени, холодный, суровый туман, леса, шоссе, покрытое жидкой грязью – в этом архетипе дороги в другой мир, где есть сладкий сон, гармонию нарушают сидящие на телеграфных проволоках вороны (мифологический вестник смерти) и сороки, которые кричат, как ребенок, и они так же «стараятся разбудить их».

Подсказка для обретения счастья в измученном сознании ребенка: «Но вот наступает

хорошее, ясное утро» – это сюжет из прошлого, который несет избавление как условие свободы. Отчуждение ребенка: «Варька слышит, как кто-то ее голосом поет» – является завязкой истории. Трансформация видений обернулась во втором сне девочки: «Варька идет в лес и плачет там» – реальностью с ее отсутствием иллюзий. Лес как топос испытания, преграды, архетипический в основе, становится символом испытания реальностью. Ударившаяся во сне о березу девочка просыпается от удара хозяина.

Маркерами призрачности, символики отмечен даже бытовой сниженный образ. Чистка калош – аллюзия на потребность внутренней гармонии, душевного и физического равновесия – рождает аллгорию: «... хорошо бы сунуть голову в большую, глубокую калошу и подремать в ней немножко... И вдруг калоша растет, пухнет, наполняет собою всю комнату». Пространство галоши, с ее защитной функцией от грязи – аллюзия на желание ребенка укрыться от мира, обрести от него защиту.

Продолжение ряда бытовых дел, усугубляющих состояние героини: чистить картошку. прислуживать за обедом, стирать, шить, звуки голоса хозяйки, от которых звенит в ушах, навязчивое и непреодолимое желание «ни на что не глядя, повалиться на пол и спать» – выделяют на фоне ставших устойчивыми для концепта «сон» коррелятов (убаюкивать, сладкий, музыка, крепко спать) неожиданное «повалиться». которое в итоге семантически срифмуется с «повалить», как это делает победитель с побежденным, в борьбе, приносит смерть. Эта роковая и предопределенная ходом повествования смерть, соединившаяся в подсознании Варьки со счастливым исходом, желанием сладкого и крепкого сна, лишает смерть и насилие их прямого значения.

«Деревенеющие виски» и улыбка девочки: «сама не зная чего ради» – погружают героиню в повторяющийся сюжет, в котором повторы: крик в печке сверчка, зеленое пятно на потолке и тени от панталон и пеленок, которые «мигают и туманят ей голову», «опять грязное шоссе», люди с котомками, Пелагея, отец Ефим – рождают в ее мозгу раздражающий диссонанс: «она не может только никак понять той силы, которая сковывает ее по рукам и по ногам, давит ее и мешает ей жить. Она оглядывается, ищет эту силу, чтобы избавиться от нее, но не находит» [13, с. 12]. Напрягая силы и пытаясь избавиться от мучительного и преследующего ее вопроса, Варька счастлива от понимания «пустяка». Смех ребенка, пограничное состояние оттенены авторским: «Ложное представление овладевает Варькой». Признаки безумия: смех, освобождающий и счастливый, широкая улыбка, немигающий взор, состояние: «Ей приятно и щекотно от мысли, что она сейчас избавится от ребенка, сковывающего ее по рукам и ногам... Убить ребенка, а потом спать, спать, спать...», подмигивания, жест угрозы оживающему для Варьки зеленому пятну – сменяют ритм убаюкивающего сна динамикой действий. «Задушив его, она быстро ложится на пол, смеется от радости, что ей можно спать, и через минуту спит уже крепко, как мертвая...».

Интересно сопряжение *счастья* и *смерти*, синкретизм которых становится условием перевода рассказа о бытовом и социальном насилии над ребенком в рассказ о мечте ребенка и истории – как бы парадоксально ни звучало – со счастливым финалом. Ребенок понял и решил мучавшую его задачу и пришел к счастью. Если он может обрести защиту от мертвых,

то испыт она, как мертвая, потому что испытание завершилось для нее. Настоящее оказалось важнее завтрашнего дня. То утро, когда Пелагея сообщила о смерти Ефима, соединили в сознании ребенка избавление от мук со счастьем. Утро было хорошим, и чтобы его встретить, надо избавиться от муки.

Результаты

Объединяющим три истории сюжетом, определяющим единство коммуникативной стратегии автора, является сюжет задачи и порожденная им дилемма. Гриша решает задачу женитьбы взрослых, детвора – как выиграть, Варька – как выспаться. Целостность текста достигается встречей двух текстов в восприятии читателя – объективного текста повествователя, двуликого в проявлении позиции и взгляда взрослого и ребенка и субъективного, где направляющая воля автора на читателя атрибутирует маркеры имплицитности. Отсюда условие сюжетной и смысловой целостности текста. Реконструкция механизма «дописывания» текста читателем выявляет подлинное содержание события, противостоящего событию в фабульном понимании. Так, в рассказе «Кухарка женится» событием становится конфликт в сознании ребенка, в то время как в фабульном смысле событием является сватовство и замужество Пелагеи. В рассказе «Детвора» событием с точки зрения сюжета становится способность маленьких героев играть, жить и мыслить в соответствии с законами взрослого мира. Событие в фабульном смысле связано с представившееся во время отсутствия взрослых свободой. В рассказе «Спать хочется» событием становится решение проблемы сна, сладкого и крепкого, как модели, явленной в архетипическом сюжете. В фабульном решении очевидна апелляция к событию убийства, спровоцированного подсознательным образом врага.

Побеждающая в рассказах Чехова детскость восприятия и преобладание оптимистического содержания обусловлено этическим содержанием проблем, которые решают дети и значимостью гармонии и душевного равновесия для них как знака совпадения с окружающим их миром.

Общность коммуникативной стратегии автора состоит в поиске защиты для ребенка от мира. Так происходит трансформация рассказа из взрослой истории о социальном и бытовом насилии в детский рассказ о о мечте ребенка и историю со счастливым финалом.

Выводы

Таким образом, понятие двойкой событийности заключается в двойственности трактовки события – в фабульном и сюжетном смысле. С точки зрения сюжета условием события является его ценностное, этико-духовное содержание. С точки зрения фабулы, событие – способ и механизм сцепления этапов развития действия – завязки и развязки. Коммуникативная стратегия автора, корректируя повествовательные функции ребенка, чьими глазами «показана» история, оставляет поле для «дописывания» текста, обеспечивая ему коммуникативную и аргументативную целостность

References:

1. Tjupa I.V. Diskursnyj analiz // I.V. Tjupa. Analiz hudozhestvennogo teksta. Moscow, 2008, 273-299.
2. Chudakov A.P. Poetika Chekhova. Mir Chekhova: Vozniknovenie i utverzhdenie. – Spb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2016. URL: <http://maxima-library.org/knigi/genre/b/413342?format=read> (Accessed: 10.02.2020)
3. Stepanov A.D. Novye angloyazychnye raboty o Chekhove // Vestnik SPbGU, ser. 9, 2016, vyp. 3, 187-193.
4. Riker P. Vremya i rasskaz. – Moscow; SPb.: Universitetskaya kniga, 2000, 224.
5. Zholkovskij A.K., Scheglov Ju.K. Raboty po poetike vyrazitel'nosti. Invarianty – Tema – Priemy – Tekst. Sbornik statej. Moscow, 1996.
6. Hühn Peter. Event and Eventfulness. In: Hühn, Peter et al. (eds.): the living handbook of narratology. Hamburg: Hamburg University. URL: <http://www.lhn.uni-hamburg.de/article/event-and-eventfulness> (Accessed: 07.03.2020).
7. Schmid V. Proza kak poeziya. Stat'i o povestvovanii v russkoi literature. SPb.: Akademicheskii proekt, 1994, 241.
8. Urazaeva K., Zharkynbekova Sh. Diskursivnaya kompetentsiya i metasyuzhet prestupleniya / ubiistva v «Malen'kikh tragediyakh» A.S. Pushkina // Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly, 2020, Vyp. 1 (yanvar'), 72-79, ISSN 2310-4287.
9. Riker P. Povestvovatel'naya identichnost'. //Germenevtika. Etika. Politika. Moskovskie leksii i interv'yu. Moscow, 1995.
10. Todorov Ts. Vvedenie v fantasticheskuyu literaturu. Moscow: Dom Intellektual'noi knigi, 1999, 208.
11. Chekhov A.P. Kukharka zhenitsya // Chekhov A. P. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 30 t. Sochineniya: V 18 t. / AN SSSR. In-t mirovoi lit. im. A. M. Gor'kogo. Moscow: Nauka, 1974-1982. T. 4. [Rasskazy, yumoreski], 1885-1886. Moscow: Nauka, 1976, 135-139. URL: <http://feb-web.ru/feb/chekhov/texts/sp0/sp4/sp4-135-.htm> (Accessed: 12.05.2020).
12. Chekhov A.P. Dtvora // Chekhov A. P. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 30 t. Sochineniya: V 18 t. / AN SSSR. In-t mirovoi lit. im. A. M. Gor'kogo. Moscow: Nauka, 1974-1982. T. 4. [Rasskazy, yumoreski], 1885-1886. Moscow: Nauka, 1976, 315-320. URL: <http://feb-web.ru/feb/chekhov/texts/sp0/sp4/sp4-315-.htm> (Accessed: 12.05.2020).
13. Chekhov A.P. Spat' khochetsya // Chekhov A. P. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 30 t. Sochineniya: V 18 t. / AN SSSR. In-t mirovoi lit. im. A. M. Gor'kogo. Moscow: Nauka, 1974-1982. T. 7. [Rasskazy. Povesti], 1888-1891. Moscow: Nauka, 1977, 7-12. URL: <http://feb-web.ru/feb/chekhov/texts/sp0/sp7/sp7-007-.htm> (Accessed: 12.05.2020)

Information about the authors:

Kuralay Urazayeva (Astana, Kazakhstan) – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor at L.N. Gumilyov Eurasian National University, (2, Satpaev street, e-mail: enu@enu.kz). She has published 100 articles. Fields of research: "Methods of teaching Russian as a foreign language", "Pedagogy", "Philology".

Karlygash Abylkhassova (Astana, Kazakhstan) – Master student of Russian language and literature, L.N. Gumilyov Eurasian National University, (2, Satpaev street, e-mail: enu@enu.kz). She has published 12 articles. Fields of research: "Methods of teaching Russian as a foreign language", "Pedagogy", "Philology").

Gulnar Shomanova (Pavlodar, Kazakhstan) – Senior lecturer of Pavlodar State Pedagogical University, (Mira Street 60, e-mail: <http://mail.pspu.kz/>). She has published 11 articles. Field of research: "Methods of teaching Russian as a foreign language", "Pedagogy", "Philology".

Acknowledgements:

The authors of the article consider it their duty to express their gratitude to Professor A. A. Chuvakin of the Altai state University (Barnaul, Russia), Doctor of Philology, for breakthrough of rhetorical perspectives for studying a literary work and scientific cooperation in the field of communicative model of rhetoric.

Авторы статьи считают своим долгом выразить благодарность доктору филологических наук профессору А.А. Чувакину из Алтайского государственного университета (г. Барнаул, Россия) за прорыв в риторических перспективах изучения литературного произведения и научного сотрудничества в области коммуникативного общения модели риторики.

Contribution of the author. *The author contributed equality to the present research.*